

Восьмистишие у Манделъштама: несколько наблюдений

Анатолий В. Корчинский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, korchinsky@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка описать место и роль восьмистиший в творчестве Манделъштама на основе количественного анализа корпуса текстов поэта. Рассматриваются две основные восьмистишные формы – стихотворения-восьмистишия и восьмистишия-строфы. Анализируется использование различных типов восьмистиший в различные периоды творчества Манделъштама, закономерности варьирования и тенденции развития этой поэтической формы. Делаются наблюдения, касающиеся рифмы, метра и строфической структуры, возможностей циклизации одиночных восьмистиший.

Автор статьи приходит к выводу, что варьирование восьмистиший в творчестве поэта на протяжении его творческой биографии подразумевает как наличие вариантов, имеющих форманты единства, так и вариантов, в которых сохраняется стандартная «катренная» или иная внутренняя строфическая структура.

Две выделенные восьмистишные формы (восьмистишия-строфы и восьмистишия-стихотворения) различно варьируются с точки зрения метра. Наиболее полно представлены двусложные силлабо-тонические метры; метрика 8-строф в большей степени, чем 8-форм ориентирована на двусложные метры, а количество трехсложников в 8-формах почти вдвое превышает их число в 8-строфах. Последнее может служить косвенным подтверждением того, что, постоянно и настойчиво разнообразя метр, Манделъштам подчеркивает относительную «твердость» самой формы восьмистишия. В первую очередь это касается, конечно, 8-форм, так как в 8-строфах, видимо, велико влияние классической традиции, предполагавшей преимущественную ориентированность 8-строфы на двусложные метры. Однако и в том и в другом случае мы видим большой интерес поэта к развитию и разработке ресурсов восьмистишия именно как современной поэтической формы, а не как формы традиционной, обязывающей к воспроизводству прежних правил ее построения.

Ключевые слова: Манделъштам, восьмистишие, катрен, строфа, метр, рифма

Для цитирования: Корчинский А.В. Восьмистишие у Мандельштама: несколько наблюдений // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 195–203. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-195-203

Eight lines poems/stanzas by Mandelstam. A few observations

Anatolii V. Korchinskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
korchinsky@mail.ru*

Abstract. The article attempts to describe the place and role of the eight lines stanzas in Mandelstam's work on the basis of quantitative analysis of the poet's texts. Two main octastich forms are considered – poems of eight verses and strophes of eight verses. The use of different types of them in different periods of Mandelstam's creative work, regularities of variation and tendencies of development of that poetic form are analyzed. Observations are made concerning rhyme, metre and strophic structure, as well as the possibilities of cycling single eight lines stanzas.

The author of the article comes to the conclusion that the variation of eight lines forms in the poet's creative work during his creative biography implies both the presence of variants with formants of unity and variants in which the standard quatrain or other internal strophic structure is preserved.

The two highlighted eight-lines forms (strophes of eight verses and poems of eight verses) vary widely in terms of meter. The most comprehensively presented are two-syllabic syllabic-accentual meters; the metric of the 8-strophes is more than that of the 8-form oriented to two-syllabic meters, and the number of the three-syllabics in the 8-forms is almost double their number in the 8-strophes. The latter can serve as an indirect confirmation of the fact that, by constantly and emphatically varying the meter, Mandelstam emphasizes a relative “firmness” of the very shape of the octastich. That primarily concerns, of course, the 8-forms, since in the 8-strophes, apparently, there is a greater influence of the classical tradition, which implied the predominant orientation of the 8-strophes to two-syllable meters. However the author sees the poet's great interest in the development of the resources of the eight lines form as a modern poetic one, and not as a traditional form of reproduction of the previous rules of its construction.

Keywords: Mandelstam, eight lines form, quatrain, poem, strophe, meter, rhyme

For citation: Korchinskii, AV. (2019), “Eight lines poems/stanzas by Mandelstam. A few observations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 195–203. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-195-203

Мандельштам проявлял значительный интерес к восьмистишию как специфическому способу упорядочивания стихотворного материала. В его творчестве встречается довольно много стихотворений, либо состоящих из восьми строк (далее для краткости будем называть их «8-формы»), либо текстов, построенных на основе строф-восьмистиший (далее – «8-строф»). Если обратиться к статистике, то всего в стихотворном корпусе поэта, состоящем из 429 оригинальных стихотворений (без учета стихов на случай, шуточных стихотворений и стихов для детей), насчитывается 78 текстов, тем или иным образом конститутивно ориентированных на формат восьмистишия, что составляет 19% от всего объема текстов¹. При этом из полученной выборки 70% (53 текста) составляют 8-формы и 30% – стихотворения, которые содержат 8-строфы (но не всегда состоят из 8-строф). Из этого кажется очевидным предпочтение, отдаваемое поэтом 8-формам и даже, возможно, тяготение к разработке восьмистишия как особого лирического жанра (особенно если учитывать один из важнейших мандельштамовских «циклов» 1932–1934 г., получившего издательское наименование «Восьмистишия»).

Однако интереснее посмотреть не на итоговый баланс двух основных разновидностей восьмистишных комплексов в поэзии Мандельштама в целом, а на динамическое соотношение этих форм в рамках творческой эволюции автора. Нередко мы можем наблюдать, что его формальный инструментарий развивается не линейно – от одних приемов и форм к другим, а скорее, по траектории варьирования одних и тех же тенденций и моделей.

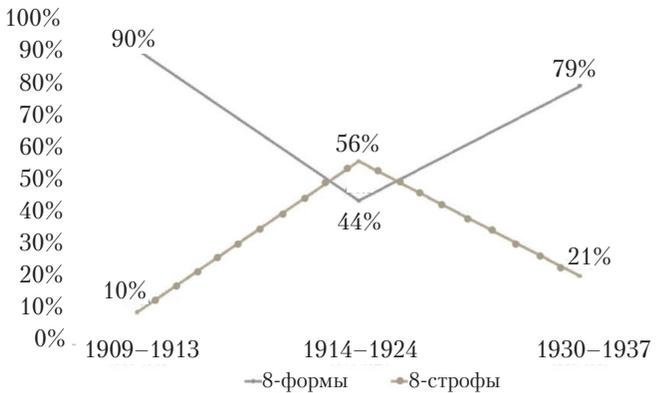
Общую динамику соотношения разных форм восьмистишия в разные периоды творчества можно видеть ниже на рис. 1.

Мандельштам проявлял интерес к восьмистишию с самого начала. При этом в раннем творчестве, с 1909 по 1914 г., восьмистишие очень редко используется им в качестве строфической формы. Собственно говоря, оно встречается только один раз – в стихотворении 1909 г. «Нежнее нежного...», да и то, строго говоря, не «в чистом виде», а в сочетании с девятистишием (то есть в качестве строфы в структуре текста не повторяется).

Однако в этот период у Мандельштама довольно частотны стихи в форме восьмистиший (в основном по схеме «2 катрена»), причем видно, что их довольно много в 1909 г., затем – меньше, а к 1914 г. их число снова заметно возрастает: «Ни о чем не нужно

¹ *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. Т. 1: Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.

Динамика: число 8-форм и 8-строф в разные годы

говорить...», «В морозном воздухе растаял легкий дым...», «Дыханье вещее в стихах моих...» 1909 г.; «Где вырывается из плена...» 1910 г.; «Образ твой, мучительный и зыбкий...» 1912 г.; «В спокойных пригородах снег...», «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» 1913 г.; «Летают валькирии, поют смычки...», «Ахматова», «Есть иволги в лесах, и гласных долгота», «Природа – тот же Рим и отразилась в нем...», «Пусть имена цветущих городов...», «Автопортрет», «Как овцы, жалкою толпой...», «Когда держался Рим в союзе с естеством...», «Реймс и Кельн» 1914 г.

Примерно в это же время, в 1914–1915 гг., поэт начинает активно осваивать восьмистишия в качестве строфы. 8-строфы используются в таких текстах, как «Ода Бетховену» и «Аббат» 1915 г.; «Я не увижу знаменитой “Федры”...», «Как пышных покрывал и этого убора...», «Зверинец», «Не веря воскресенья чуду...» 1916 г.; «Еще далёко асфоделей...» 1917 г.; «Tristia» 1918 г.; «На каменных отрогах Пиэрии...» 1919 г.; «Феодосия» 1919–1922 гг.; «Я наравне с другими...» 1920 г.; «Век» 1922 г.; «Грифельная ода» 1923 г.; «1 января 1924» 1924 г. Как видим, в течение этого творческого десятилетия использование 8-строфы стабилизируется, причем именно в этот период практически пропадают стихотворения, написанные в форме восьмистиший (за исключением «Мадригала» 1916 г., написанного восьмистишием-триолетом – это как бы одиночная 8-строфа, а также нескольких текстов, не публиковавшихся Мандельштамом).

Далее восьмистиший ни в одной из интересующих нас форм не появляется вплоть до 1930 г.

В творчестве 1930-х гг. вновь стремительно нарастает внимание Мандельштама к 8-формам: восьмистишиями являются 7 из

12 стихотворений цикла «Армения» (3 из них имеют форму двоянных катренов, разделенных на четверостишия, прочие 5 имеют астрофическую композицию); в том же году написаны восьмистишия «На полицейской бумаге верже...», «Колочая речь араратской долины...», «Как люб мне натугой живущий...»; в 1931 г.: «Мы с тобой на кухне посидим...», «После полуночи сердце ворует...», «Колот ресницы. В груди прикипела слеза...», «Ночь на дворе. Барская лжа...»; в 1932 г.: «Вы помните, как бегуны...»; «Восьмистишия» 1932–1934 гг.; «Татары, узбеки и ненцы...», «У нашей святой молодежи», «Твоим узким плечам под бичами краснеть...» 1934 г.; «Наушнички, наушнички мои!...», «Ты должен мной повелевать...» 1935 г.; «Нынче день какой-то желторотый...» 1936 г.; «В лицо морозу я гляжу один...» и «Я скажу это начерно, шепотом...» 1937 г.

Преобладание 8-форм в 1930-е налицо, однако время от времени у Мандельштама появляются и тексты, написанные 8-строфой: «Увы, растаяла свеча...» (1932; 1935), «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933). В стихотворении с нетождественной строфикой «С примесью ворона голуби...» (1937) имеется 8-строфа. Сюда же можно отнести стихотворение с нетождественной «Чарли Чаплин» 1937 г., в составе которого есть 2 восьмистишия.

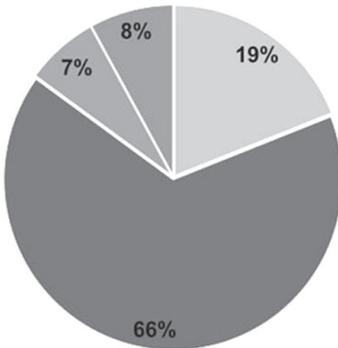
Из приведенных наблюдений следует, что Мандельштам осознал восьмистишие в двух его ипостасях как различные формы, которые в разные периоды творчества становились то более, то менее значимыми. Иногда эти формы мыслились, скорее, как взаимозаменяемые (в ранний период и в 1910–1920-е гг.), иногда – скорее, как сосуществующие и дополняющие друг друга. В частности, в 1930-е гг. видны попытки сближения двух статусов восьмистишия: автономная 8-форма нередко включается в более крупное целое («Армения», «Восьмистишия»), а поскольку природа этого целого порой определяется не просто как циклическая, а как колебание между лирическим циклом и большим стихотворением (как в «Восьмистишиях» [Корчинский 2016, с. 111–116]), то можно предположить, что в некоторых случаях восьмистишие воспринимается поэтом как переходная форма между отдельным текстом и строфой. А сосуществование 8-форм и 8-строф в поэзии 1930-х гг. дополнительно свидетельствует в пользу того, что активная поэтическая работа с восьмистишиями является одной из значимых творческих тенденций в поэзии Мандельштама.

Отдельно следует сказать о том, насколько решающим для определения восьмистишия является, как кажется, сугубо «внешний» и чисто количественный фактор восьми строк и насколько корректным является объединение под одной рубрикой различных строфических образований – одиночных (астрофических) вось-

мистиший, текстов/строф, построенных путем соединения двух катренов (в 8-строфах это соединение отмечается графически, в 8-формах – нет) или четырех двустиший. Помимо уже высказанных соображений о том, что в поэтическом мышлении Мандельштама восьмистишие является одновременно самостоятельной и в то же время весьма вариативной формой, можно вспомнить о том, что одноименный «цикл» начала 1930-х гг. объединяет в себе фрагменты (строфы) двух разных ненаписанных стихотворений [Гаспаров 2001, с. 47–54], которые по объему должны были превышать восьмистишие, но при этом каждый из этих фрагментов мыслился относительно автономно и состоял из двух катренов, а не из «целостных» восьмистиший. Поэтому можно с большой долей вероятности предполагать, что к восьмистишиям Мандельштам относил именно те формы, которые насчитывали восемь строк, а не только те, которые имеют внутри себя более одного интегрирующего фактора (отсутствие интервала, специфическую рифмовку, связующую двустишия или катрены в более крупное целое или тесную синтаксическую связь). На рис. 2 можно видеть, что именно двухкатренная форма преобладает в структуре восьмистиший обеих разновидностей.

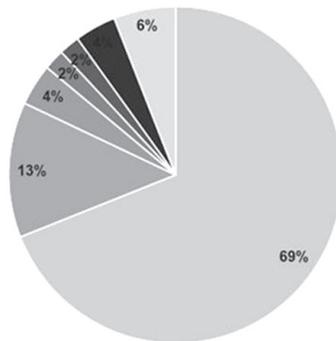
Рифмовка и структура строфы/текста

8-строфы

- Др. типы рифмовки (19%)
- Белый стих (7%)
- Катрен станд. (66%)
- Сицилиана (8%)

8-формы

- Катрен станд. (69%)
- Катрены + белый стих (4%)
- Катрен нестандарт. (2%)
- Двустишия (6%)
- Катрен нестандарт. (13%)
- Нерасчл. катрены стандарт. (2%)
- Нерасчл. + белый стих (4%)

Кроме того, во многих случаях именно в сдвоенных катренах мы обнаруживаем те или иные внутренние процессы сближения их между собой – как бы слияния двух четверостиший в единое восьмистишие. Например, в стихотворении «Ни о чем не нужно говорить...» (1909) внутрителистовое единство поддерживается рифмовкой: ААВВ ААСС, в стихах 1 и 6 рифма тавтологическая, в стихах 2 и 5 – частично омонимическая. В тексте 1931 г. «После полуночи сердце ворует...» схема рифмовки в двухкатренной композиции приближается к структуре сицилианы (а не триолета): аВаВ хВаВ, за исключением нерифмованной первой строки второго четверостишия, кроме того, в стихах 4, 5, 6 присутствует внутренняя тавтологическая рифма. В стихотворении «Наушнички, наушнички мои!...» 1935 г. при сохранении двух катренов выдерживается схема сицилианы: АbАb АbАb. То есть в случае 8-форм число строк для Мандельштама является более сильным фактором текстообразования, чем их строфический состав, что подтверждается возможностью введения дополнительных объединяющих строфы элементов.

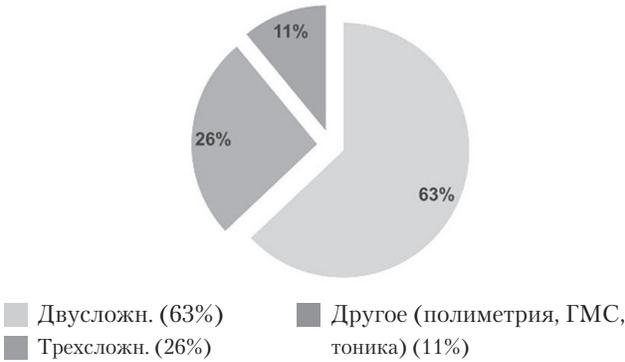
С другой стороны, 8-строфа, от которой можно было бы ожидать заведомо большей внутренней интегрированности (хотя бы в качестве дани традиции октавы, которая встречается весьма редко – менее чем в 10% 8-строф), у Мандельштама сравнительно редко имеет дополнительные «скрепы» между рифмующимися блоками (четверостишиями) – обычно схема рифмовки выглядит как аВаВсDсD. Сравнительно редка и вариативность рифмовки в 8-строфах. Например, в стихотворении «Зверинец» 1916 г. Аb-bAcDDc – схема рифмовки в 1 и 3 строфах, АbbACddC – схема рифмовки в 2, 5, 6 строфах, аВВаCddC – схема рифмовки в 4 строфе. В стихотворениях «Tristia» 1918 г., «На каменных отрогах Пиэрии...» 1919 г., «Я наравне с другими...» 1920 г., «Грифельная ода» 1923 г. имеются сквозные рифмы.

Таким образом, варьирование 8-форм и 8-строф подразумевает как наличие вариантов, имеющих форманты единства, так и вариантов, в которых сохраняется стандартная «катренная» или иная внутренняя строфическая структура.

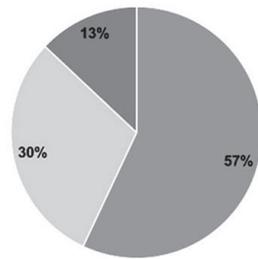
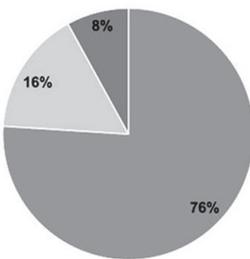
Две выделенные нами восьмистишные формы различно варьируются с точки зрения метра (см. рис. 3, 4). Наиболее полно, как и следовало ожидать, представлены двусложные силлабо-тонические метры: 63% от общего числа восьмистиший; 26% составляют трехсложники, 11% приходится на прочие метрические разновидности – полиметрические композиции, тонические размеры, гетероморфный стих. Интересно, что метрика 8-строф в большей степени, чем 8-форм ориентирована на двусложные метры (76%

против 57%), а количество трехсложников в 8-формах почти вдвое превышает их число в 8-строфах (30% против 16%). Последнее, полагаю, может служить косвенным подтверждением того, что, постоянно и настойчиво разнообразя метр, Мандельштам подчеркивает относительную «твердость» самой формы восьмистишия. В первую очередь это касается, конечно, 8-форм, так как в 8-строфах, видимо, велико влияние классической традиции, предполагавшей преимущественную ориентированность 8-строфы на двусложные метры. Однако и в том и в другом случае мы видим большой интерес поэта к развитию и разработке ресурсов восьмистишия именно как современной поэтической формы, а не как формы традиционной, обязывающей к воспроизводству прежних правил ее построения.

Метрические варианты в восьмистишиях

Метр в различных формах восьмистиший

■ Двусложн. (76%)	■ Двусложн. (57%)
■ Трехсложн. (16%)	■ Трехсложн. (30%)
■ Другие (полиметрия, ГМС) (8%)	■ Другие (ГМС, дольник, тактовик) (13%)

Литература

- Гаспаров 2001 – *Гаспаров М.Л.* «Восьмистишия» Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). М., 2001. С. 47–54.
- Корчинский 2016 – *Корчинский А.В.* Форма и опыт: принцип вариативности в «Восьмистишиях» О.Э. Мандельштама // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 111–115.

References

- Gasparov, M.L. (2001), ““The eight-lines stanzas” of Mandelstam”, *Smert' i bessmertie poeta. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu so dnya gibeli O.E. Mandel'shtama (Moskva, 28–29 dekabrya 1998 g.)* [Death and immortality of the poet. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the death of O.E. Mandelstam (Moscow, 28–29)], Moscow, Russia, pp. 47-54.
- Korchinskii, A.V. (2016), “Form and experience: principle of variability in “Eight lines stanzas” of Mandelstam”, *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, vol. 2, pp. 111-115.

Информация об авторе

Анатолий В. Корчинский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, ГСП-3, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; korchinsky@mail.ru

Information about the author

Anatolii V. Korchinskii, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993, GSP-3; korchinsky@mail.ru